ТОРИ МАЙРОН

В ритме СЕРДЦА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(2РОс=Рус)-44
М14

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

В книге присутствуют упоминания социальных сетей (Instagram, Facebook), относящихся к компании Meta, признанной в России экстремистской и чья деятельность в России запрещена.

Художественное оформление — *В. Давлетбаева*
Иллюстрации на вкладке — *Digital Wizards*
Иллюстрации на форзаце и нахзаце — *Оксана Нагина*

Майрон, Тори.
М14 В ритме сердца: [роман] / Тори Майрон. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 640 с. : ил. — (Опасные объятия).

ISBN 978-5-17-184834-7

Я — ходячая катастрофа, а моя жизнь — полнейший хаос.

Я живу в самом неблагоприятном и преступном районе города. Днём выгляжу как невзрачная пацанка, чтобы не привлекать внимания местных бандитов. А по ночам превращаюсь в танцующую куклу для богатых мужчин, чтобы заработать денег и справиться с семейными долгами. Но, благодаря стараниям моего мерзкого отчима, это сделать невозможно. Так, одним злосчастным вечером, будучи в полном отчаянии, я попросила у вселенной чуда для решения всех своих проблем.

Но, видимо, нужно было яснее излагать свои желания, ведь вместо чуда я столкнулась с ним. Мужчиной — необычным, манящим, лишающим здравого смысла и до дрожи пугающим. Я стала его одержимостью, а он — моим проклятьем. И, боюсь, мне ничто не поможет ни сбежать от него, ни спрятаться.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(2РОс=Рус)-44

© ООО «Издательство АСТ», 2026
© Майрон Т., 2026

ISBN 978-5-17-184834-7

Часть 1

Если мы во что-то не верим,
это не значит, что этого нет.

1

Николина

Я уверена, каждый в жизни хоть раз просыпался с ощущением, словно по тебе проехал трактор. Так вот это «прекрасное» состояние является моим постоянным началом дня. Лишь благодаря звону мобильного мне удается заставить себя потянуться до тумбочки, чтобы отключить назойливую мелодию.

— Николь, ты где?!

Мои глаза закрыты, а мозг до сих пор отказывается запускать необходимые мыслительные процессы. Мне не удается ни найти ответа на вопрос, ни сообразить, кому принадлежит женский голос на другом конце провода.

— Алло! Николь! Ты меня слышишь?

Даю себе еще несколько секунд, чтобы собраться с силами, и, наконец, раскрываю свинцовые веки. С трудом приподнимаюсь на локтях и напрягаю зрение, чтобы осмотреться.

— Слышу. Я дома, — выдавливаю хриплым голосом.

Дома. В своей кровати. Нахожусь в том же положении, в какое рухнула от усталости с утра после возвращения с работы.

— Почему ты все еще дома? Ты что, спишь? — голос девушки от недовольства повышается на не-

сколько тонов, и лишь тогда мне удается осознать, с кем я разговариваю.

— Да, Эмилия, ты меня разбудила. В чем дело?

— В чем дело, Николь?! Уже вечер, а ты спишь! Ты что, забыла про… бой? — последнее слово она проговаривает шепотом. У меня еле получается расслышать. — Ты же обещала.

Бой? Обещала?

Черт! Точно.

— Ты не представляешь, каких трудов стоило убедить родителей отпустить меня на ночь глядя! Я давно готова и звоню тебе уже в сотый раз, а ты, оказывается, мирно спишь! Ты серьезно?!

Встаю под звук ее криков, включаю свет и тут же натыкаюсь на отражение в зеркале. В принципе, даже не удивляюсь. Оно полностью соответствует моему самочувствию. Лохматые, запутанные волосы связаны в подобие высокого хвоста, лицо серое и припухшее, в глазах полопались капилляры, а штаны с помятой майкой неприятно прилипают к телу, источая едкий запах из смеси сигарет и пота.

Чувствую себя, мягко говоря, дерьмово, а тут еще разозленная подруга масло в огонь подливает нескончаемым потоком слов.

— Замолчи и успокойся, Эми! — останавливаю ее панику, глядя на часы. Полдевятого вечера. Мы еще спокойно успеваем к началу. — Так! Дай мне полчаса. Я буду готова.

— С тобой все в порядке? — после недолгой паузы обеспокоенно спрашивает Эмилия.

— Да, все хорошо. Мне просто нужно прийти в себя.

— Опять работала всю ночь?

— Да, Эми, — сухо отвечаю, не собираясь в сотый раз объяснять, почему мне приходится заниматься тем,

что для благовоспитанной Эмилии Харрисон кажется развратным.

— Я не осуждаю, Ники, просто волнуюсь за тебя.

Вместо ответа тяжело вздыхаю. Я сама волнуюсь, насколько меня еще хватит жить и работать в том темпе, в каком нахожусь последний год.

— Значит, полчаса? — неуверенно мямлит Эмилия.

— Да!

Слышу радостный, облегченный визг в ответ:

— Спасибо, Николь! Я так рада! Буду ждать у твоего дома!

— Адрес помнишь?

— Да, ты мне присылала.

— Не боишься? — задаю резонный вопрос. Эми не до конца понимает, что именно ей сегодня предстоит увидеть.

— Я приеду на такси и подожду тебя в машине. Выходить не буду.

— И оденься максимально просто. Нельзя, чтобы ты выделялась из толпы.

— Я закупилась в масс-маркете, так что проще некуда, — недовольно отвечает любительница брендовых вещей и дорогих аксессуаров.

— И не бери ничего ценного, а деньги прячь во внутренние карманы.

— Да, я все знаю. Ты уже говорила.

Я знаю, что надоела ей, но мне необходимо убедиться, что она не явится в один из самых неблагоприятных районов города в безукоризненном дорогом наряде с внушительной суммой денег, тем самым став лакомой целью для местных карманников.

— Ладно, выезжай, а я быстро в душ.

Не дождавшись ответа, сбрасываю звонок и выхожу из комнаты. Каждый шаг по дороге в ванную отда-

ется болезненными ощущениями, но после горячего душа становится значительно легче. Ошпаривающий поток воды не только помогает смыть остатки сна и вчерашнюю грязь с тела, но и расслабляет мышцы, забитые после очередной танцевальной ночи.

Хотела бы сказать, что я балерина, артистка знаменитого мюзикла или профессиональная танцовщица, разъезжающая по миру с гастролями, но все это лишь детские мечты, которым не суждено сбыться.

Я — стриптизерша в элитном ночном клубе. Да, я зарабатываю на жизнь тем, что танцую, раздеваясь перед горсткой богатеньких мужчин, но, тем не менее, прошу не путать меня с представительницами другой, более древней профессии. Я четко разметила допустимые границы, которые никогда ни за какие деньги не перейду.

Многие скажут — это не самая лучшая работа для молоденькой девушки, и, само собой, я соглашусь. Но уверяю, оголять тело и разводить мужчин на деньги менее постыдно, чем воровать в магазинах или обкрадывать случайных прохожих. А мне, девчонке из бедной неполноценной семьи, не раз приходилось прибегать к подобному способу добывания денег, чтобы суметь свести концы с концами, не остаться без крыши над головой и не упасть в голодный обморок.

Как только смываю последние остатки пены, выбираюсь из душа и наспех обматываюсь полотенцем. Сейчас конец марта, но природа до сих пор упрямо не желает отпускать зимние морозы. Дома холодно и сыро. Особенно после недели отключенного за неуплату отопления.

Сушу волосы, одновременно согреваясь горячим напором воздуха, и торопливо натягиваю теплую одежду.

Повторно рассматриваю свое отражение и еще раз убеждаюсь, что от эффектной ночной соблазнительницы не осталось и следа. Видок как у невзрачной пацанки, но мне вполне комфортно быть незаметной, ничем не выделяющейся. Обычной. Зачастую это помогает избежать ненужных проблем и опасных ситуаций, которых в моей жизни было достаточно.

Мне не удается выйти из дома, не застав обычную картину своей семьи. Мама с отчимом сидят друг напротив друга за столом, заставленным бутылками алкоголя, консервной банкой с окурками и тарелками с обветренной едой.

Подлетаю к окну и открываю его нараспашку, чтобы впустить в квартиру резкий порыв холодного ветра. Даже сквозь плотный спортивный костюм моя кожа покрывается мурашками, но лучше замерзнуть, чем задохнуться от тошнотворного смрада.

— Какого хрена ты делаешь?! А ну быстро закрыла! Холодно же! — возражает Филипп, но я никак не реагирую на его пьяный выпад и открываю еще одно окно.

Для меня он никто. Ничтожество. Жалкое, вредное насекомое, которое я не могу истребить из нашего дома уже который год. Я даже смотреть на него без раздражения не могу, поэтому стараюсь сводить наше общение к минимуму.

Мое сердце привычно сжимается, когда обращаю взгляд на единственного человека, ради которого я терплю непутевого отчима, раз за разом набираю дополнительные смены в клубе, чтобы справиться с долгами, и все еще не покидаю родной город, отказываясь от своей мечты и желаний.

— Мама…

Я подхожу к ней ближе, дотрагиваюсь до плеча. Не сразу, но она приподнимает голову и смотрит на меня стеклянными синими глазами, словно не узнает.

Маме нет и сорока, но ее пагубное пристрастие к алкоголю добавляет к возрасту по меньшей мере пятнадцать лишних лет. Мне давно не хочется плакать, всматриваясь в неопрятный, болезненный и жалкий вид женщины, которую, несмотря ни на что, я люблю и всегда буду любить больше всех на свете. Слез уже нет. Все резервы выплаканы еще много лет назад. Остался только гнев и сожаление. И первое значительно преобладает.

Каждая капля крови в теле вскипает от ярости, когда я смотрю на то, во что превратилась моя некогда красивая, нежная и любящая мама. Много лет назад она была совсем другой, и я изо всех сил пытаюсь не забыть отрывки счастливой семейной жизни, когда папа еще был с нами. Однако с каждым годом мне все больше начинает казаться, будто первые семь лет моей жизни были всего лишь сном.

Моему детству мог позавидовать любой, пока в один день все не изменилось. Всего один миг, одна чужая непростительная ошибка, протяжный скрежет тормозящих колес, резкий удар и тело папы, лежащее в жуткой неестественной позе, и все в моей жизни изменилось.

Разрываясь криком и слезами, мама закрыла мое лицо, но мне хватило всего секунды, чтобы потом, на протяжении долгих лет, неоднократно видеть в кошмарах картину смерти отца. Подобное не забывается, как бы ни хотелось. С этим мне придется жить и справляться до конца своих дней.

Мне было семь, когда пьяный водитель забрал жизнь папы, но тогда я даже не подозревала, что эта тра-

гедия заберет у меня не одного, а сразу двоих самых близких и дорогих мне людей. Папу положили в гроб и закопали, а мама превратилась в живого мертвеца.

Первые дни после похорон она была убита горем настолько, что практически не двигалась. Она могла целый день провести в кровати или сидеть в кресле отца, тупо глядя перед собой в одну точку. Лишь потоки слез по ее бледным щекам давали понять, что она еще жива.

Не могу сказать точно, как долго мама пробыла в таком коматозном состоянии. Первые недели прошли, словно в беспросветной мгле, но, к счастью, со временем она понемногу начала приходить в норму. По крайней мере, я так думала.

Через несколько месяцев мама продала наш дом. Мы переехали в один из самых неблагополучных районов Рокфорда, а вместо дома меня ожидала квартира площадью втрое меньше.

Мама перевела меня в другую школу и забрала из хореографической студии, сообщив, что нам необходимо урезать расходы. В любой другой ситуации для меня это показалось бы концом света, ведь танцы были всем, чем я грезила, стоило лишь научиться ходить. Но без папы во мне погасло и желание танцевать.

После обоснования на новом месте мама устроилась в ресторан официанткой, а еще безукоризненно выполняла все стандартные задания прилежной домохозяйки и материнские обязанности, только все движения ее были словно на автопилоте. Пустые и бездушные. Юна Джеймс больше не была похожа на ту светящуюся, вечно порхающую по дому маму. Вместе со смертью папы она потухла, потеряв интерес к окружающему миру. В том числе и ко мне.

Я ужасно тосковала по папе и расстраивалась из-за маминой отрешенности, но никогда не разрешала себе плакать в школе или в присутствии мамы, чтобы лишний раз не огорчать ее. Однако каждый раз после учебы, стоило мне забежать в наш подъезд, как я поднималась на этаж чердака, где никто никогда не ходил, и позволяла накопившейся лавине слез прорваться.

Не было громких, душераздирающих рыданий на всю лестничную площадку дома. Я плакала почти беззвучно, задыхаясь и захлебываясь потоком слез. Мне не хотелось, чтобы меня видели или слышали.

Со временем плач у чердака стал своего рода утешительным ритуалом. Полчаса безудержных слез наполняли меня силами скрывать горечь утраты и не опускать руки в неопределенных отношениях с мамой.

И так во время очередной «спасательной» слезливой сессии я не сразу заметила присутствие постороннего рядом со мной. Только когда чья-то ладонь коснулась плеча, я испугалась настолько, что резко оторвала голову от колен и со всей дури стукнулась затылком об лицо наклонившегося ко мне человека.

— Не подходи ко мне! — увидев перед собой незнакомца, прокричала я и, трясясь от страха, начала рыться в школьном портфеле в поисках перцового баллончика, который мама купила мне в целях самозащиты.

— Ты что, больная? — последовал раздраженный ответ от худощавого высокого мальчика, явно старше меня. Он нервно натирал пальцами подбородок, по которому пришелся удар, и озадаченно следил за моими действиями.

— Я сказала, не подходи ко мне! — повторила я еще громче, продолжая искать несчастное оружие защиты среди нескончаемого количества школьных принадлежностей.

— Да не кричи ты. Всех соседей напугаешь, — приглушенно рявкнул он, делая шаг к лестничным перилам и поглядывая на нижние этажи.

— Отойди от меня подальше, иначе буду кричать!

Мальчик недовольно фыркнул, но отошел в другой угол этажа.

— Не собираюсь я к тебе подходить, больно ты мне сдалась. И так чуть челюсть не сломала. В следующий раз сто раз подумаю, прежде чем подойти к плачущей девчонке. — Он расслабленно оперся на пыльную стену, совсем не боясь запачкаться, и сунул руки в карманы спортивных поношенных штанов. — Думал, помощь нужна, да тут, похоже, капитальный сдвиг по фазе.

Я на секунду оторвалась от безуспешного копания в портфеле.

— Чего? Какой еще сдвиг?

— Ну как какой? Крыша у тебя поехала. Не все дома. Психушка по тебе плачет. Так понятней?

Я удивленно наблюдала, как он вытаскивает сигарету, откидывает со лба отросшие пряди каштановых волос и закуривает, удовлетворенно выпуская изо рта клубы дыма.

— Я не сумасшедшая, — буркнув и не на шутку разозлившись на свою неосмотрительность, я не сдержалась и вытряхнула все содержимое сумки на пол в надежде быстрее найти чертов баллончик.

— Возможно, не сумасшедшая, но неадекватная точно. Сначала задыхаешься слезами в одиночку на чердаке, кричишь и наводишь шум без причины,

потом ищешь что-то в своей бездонной сумке, а теперь вообще бардак на лестничной клетке устроила. Это кто, по-твоему, убирать будет?

— Я сама все уберу. Не мешай мне! — пробормотала я, не уловив иронию в его голосе.

— Точно дурная! Помощь не предлагаю, опасаясь за свою драгоценную жизнь, но хоть скажи, что так упорно ищешь?

Его вопрос я оставила без ответа, неимоверно радуясь, что наконец нашла тот самый злосчастный баллончик. Я резко схватила его, встала и выставила руку в сторону мальчика.

— Стой на месте, не двигайся и дай мне пройти, иначе выстрелю! – ноги все еще дрожали, но я чувствовала себя увереннее и смелее, будто в руках держала как минимум огнестрельное оружие.

Мальчик застыл на несколько секунд, даже курить прекратил, а затем разразился раскатистым смехом, который звонко отдавался эхом на весь подъезд. Он так неудержимо смеялся надо мной, что из его безумно зеленых глаз даже проступили слезы.

— Прекрати ржать и делай, как я тебе сказала! — сердито проговорила я, делая шаг вперед.

— Будь добра, повтори, что ты там хочешь от меня?

— Ты что, глухой? Я сказала, прекрати…

Договорить мне так и не удалось. Не поняла как, но мальчику потребовалась всего секунда, чтобы преодолеть метры, разделяющие нас, и одним незаметным движением выбить из ладони орудие защиты. Ловко скрутив руку, он развернул меня и крепко прижал спиной к своему животу, закрыв рот ладонью.

Новая волна паники окатила с головы до ног. Да так, что все волоски на теле встали дыбом. С рас-

стояния мальчик выглядел таким тощеньким, но, оказавшись в его стальных объятиях, я поняла, что сил ему не занимать. Я совершенно не могла двигаться, что пугало до смерти.

Насмотревшись на то, что творилось на улицах района, я не хотела представлять, что меня ждет. Лишь молила, чтобы он покончил со мной быстро и безболезненно.

— Во-первых, никогда не приказывай своим противникам, если в руках не держишь как минимум нож, с которым в совершенстве умеешь обращаться, — в интонации его голоса не осталось и следа от былого веселья. — Во-вторых, перцовый или любой другой баллончик лучше держать в кармане, чтобы в любую секунду могла его вытащить. Плохие дяди вряд ли будут стоять и ждать, как делал это я, пока ты роешься в сумке. В-третьих, если удалось быстро вытащить, то нападающего не нужно предупреждать и уж тем более пытаться угрожать им. Все просто: достала и применила, не теряя ни секунды, а дальше беги сломя голову и зови на помощь.

Тогда мне казалось, что я слышала не предложения, а бессвязный набор слов. Лишь когда вернулась домой и протрезвела от страха, я приятно удивилась тому, что запомнила первый урок по самообороне от начала до конца.

На чердаке же я была до ужаса напугана, тело тряслось словно в лихорадке, и, как бы я ни пыталась, но так и не смогла сдержать очередной тихий поток слез.

— Эй, ну ты чего, мелочь? — Рука мальчика все еще накрывала мой рот, но хватка заметно ослабла. — Я уберу руку, если ты обещаешь больше не кричать как резаная.